

В поисках пути

Яшви Садхир

Как и обещала Алахчит, уже вечером она созвала всех боо, чтобы Яшви могла выразить сразу всем свою просьбу. Она и не надеялась, что все из них сразу изъявят рьяное желание оставить на время часть своих дел и взяться за ее обучение. К тому же она была женщиной, но среди Лис не был другой шаманки, к которой Яшви могла бы обратиться за помощью. Но она не думала, что большая часть шаманов, кроме, разумеется, старого Дорджсурена, согласятся поделиться с ней своими знаниями. Яшви мало с кем успела познакомиться из других кланов Лис, поэтому предпочла учиться у кого-то, с кем уже пересекалась раньше, например, у одноглазого Тургэна, второй глаз которого по слухам выклевал степной орел взамен на возможность говорить с духами. Яшви в это не верила, но звучало это и правда жутко.

Где-то очень в глубине души Яшви надеялась, что Алахчит будет занята и забудет про охоту, хотя раньше никогда не отказывалась от возможности поехать верхом и тем более потренироваться в стрельбе из лука, но она не была уверена в том, что она действительно хочет куда-то ехать. Пока больше всего ей хотелось сидеть в своем гэре и тупо смотреть в войлочную стену, но Алахчит вечером ворвалась в гэр без предупреждения, как всегда порывистая, внезапная, бесцеремонно сунула Яшви в руки лук и велела выползть из своей норы, потому что они едут охотиться. И отказа она не примет, потому что она - Великий Хан, а с ханом не спорят.

Пришлось подчиниться и отправиться седлать Ворона.

Алахчит Алтан Борджигин

С утра Алахчит была занята делами клана, потому что медведи, добывающие камень для постройки новых домов, обнаружили довольно крупное месторождение меди у края горной гряды, и Алахчит хотела знать об этом все. Лисы никогда не занимались кузнечным делом в том объеме, как это делали медведи, к тому же кочевой образ жизни не подразумевал хоть какую-то горную добычу, но находка оказалась богатой и приятной. Дела у Лис наконец-то пошли на лад.

В связи с этим настроение у Алахчит было преотменное. Она попросила Санджара и остальных нойонов снарядить по несколько человек от каждого клана, чтобы с помощью медведей начать возводить штольню, а сама уликнула, сказав, что у нее есть еще одно очень важное дело, которое не терпело отлагательств.

- Ну, не дуйся, дружок, - попросила Алахчит подругу, которая седлала своего коня, будучи мрачнее самой темной грозовой тучи. Ее уже готовый к прогулке Салхи нетерпеливо переступал с ноги на ногу, дожидаясь своего собрата. К его седлу были приторочены лук с колчаном, полным стрел. Но даже если они сегодня ничего не смогут поймать, Алахчит хотела просто вырваться из ставки и придумала прекрасный повод вытащить и хмурую Яшви тоже. - Тебе станет лучше, вот увидишь.

Яшви Садхир

Яшви затянула подпругу и поправила упряжь Ворона, расправив густую черную челку. Наверняка Алахчит была права, и ей должно было стать лучше, когда она выйдет в степь. Она любила конные прогулки, они всегда помогали ей проветрить голову. Может быть пора перестать сопротивляться тому, от чего ей должно было стать лучше? Она вспомнила, как Сонгцэн пытался ей помочь, показав во дворце красивые купальни, которые она совершенно не оценила, слишком упиваясь собственными страданиями и наказывая себя неизвестно за что, считая, что не имеет права здесь находиться. Тогда его это обидело, даже если он старался не подать виду.

Она снова поймала себя на том, что думает о Сонгцэне, думать о котором себе старательно запрещала сейчас, чтобы не было так мучительно больно. Яшви прикрыла глаза, стараясь переключиться на мысли о чем-то другом. О тарбаганах, например.

- Я не дуюсь, - ответила она, забираясь в седло. - Я...

Она бросила короткий взгляд на мальчишку, который удерживал Салхи и Ворона под уздцы, чтобы кони не баловали, ожидая прогулки, и не стала продолжать, а просто забрала повод, натянув его покрепче и заставляя Ворона развернуться в сторону выхода из ставки.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит нетерпеливо взлетела в седло, тронула пятками Салхи, и тот затанцевал на месте от нетерпения. теперь она редко покидала строящийся город, постоянно находились дела, от которых она не могла отмахиваться, даже если часть из них удавалось делегировать ее нойонам. К тому же Алахчит любила быть в курсе всех дела, что творились в Орде. Но этот вечер она намеренно освободила от всего, чтобы, наконец, вырваться в степь, и ей, как и ее коню, уже нетерпелось поскорее пуститься галопом.

Но отпустить коня вперед она смогла только когда они покинули черту будущего города, а первые возведенные дома оказались позади. Сейчас это было всего несколько десятков домов, но уже угадывались улицы, складывались маленькие районы, а чуть поодаль Алахчит знала, скоро начнет расти тот дом, в который однажды она зайдет уже в качестве жены. И когда дом будет построен, когда всем лисам будет где зимовать, в домах с толстыми, крепкими стенами, в тепле и безопасности, тогда можно думать и об лисятах.

- Догоняй! - задорно крикнула Алахчит Яшви, обернувшись через плечо, отчего толстые косы хлопнули ее по спине, и, наконец, припустила резвого Салхи вперед.

Яшви Садхир

Алахчит явно торопилась уехать, Яшви же чувствовала себя так, как, наверное, чувствуют бунтующие подростки, когда им все хочется делать наперекосяк просто потому что. Если бы Яшви когда-нибудь подобный бунт в более юном возрасте переживала, ей бы было намного проще понять саму себя и то, что с ней

происходит, но она никогда не была замечена в чем-то подобном. Желание как-то противиться решению родителей из нее выбили еще в далеком детстве, и бунтарство не было для нее характерно.

Ворон послушно шел следом а Салхи по городу, прядал ушами, то и дело пытался обогнать тонконового конька Алахчит, но Яшви его осаживала, заставляя идти ровным шагом. В ней ютилось что-то черное, мерзкое, мрачное, капризное и уродливое, которое норовило вылезти наружу. Оно было всем недовольно, оно хотело делать все не так, как говорят, делать поперек, спорить, ворчать и ругаться, огрызаться, отвечать дерзко, отталкивать, отвергать любую помощь, чтобы потом задохнуться от гордыни насмерть. И уже практически у самого выхода Яшви с силой ударила Ворона по бокам, заставляя того чуть ли не взвиться на дыбы, обгоняя сорвавшееся с губ Алахчит озорное "догоняй!".

Нет, это ты догоняй! - зло подумала про себя Яшви, низко прижимаясь к шее Ворона, чтобы он мчал еще быстрее. Ветер бил в грудь, хлестал по щекам, заставлял глаза слезиться, а Яшви даже не смотрела, куда несет ее конь. Ей было все равно, куда. Как можно дальше от самой себя, от ставки, от этого мира, от всего.

Алахчит Алтан Борджигин

Яшви не пришлось уговаривать дважды - или все-таки ее черного, как ночь, коня, который рванул вперед, в исступлении громко всхрапнув. Алахчит легко приняла условия игры, тоже низко прижимаясь к шее Салхи, чтобы ветер не выбивал ее из седла. Лошади только рады были, наконец, размяться, и эйфория гонки захватила Алахчит тоже.

Она была ветром, обожала бескрайнюю степь с ее тарбаганами, серебристым ковылем, множеством дорог и бесконечным синим небом. Если бы перед ней не стояла амбициозная задача построить сильный, крепкий, большой город для того, чтобы Орда стала сильнее и смогла вернуть себе власть над степью, она бы неслась вперед, никогда не останавливаясь. Потому что для нее не было ничего лучше, чем ветер, бьющий ей в лицо, треплющий тугие косы, пробирающийся под складки теплого дэгэла. И Алахчит радовалась, как ребенок, который вдруг получил желаемое. Она неслась наперегонки не с Яшви, она пыталась обогнать саму степь.

Яшви Садхир

Яшви не видела, несет ли Алахчит рядом или нет - слезы и ветер застилали ей взгляд, перехватывали дыхание, так что ей приходилось ниже наклоняться к Ворону, чтобы просто умудриться вдохнуть. Она не поняла, в какой именно момент этой погони вдруг слезы от ветра превратились в те, которые текли независимо и от него и от нее самой. Как будто что-то то самое темное и злое внутри сдалось под напором степного ветра, и теперь торопилось поскорее убраться, отпуская все то, что держало в своей черной паутине.

Она практически легла на шею Ворона, цепляясь за повод до боли в пальцах и позволяя коню самому выбирать путь, но ветер крал дыхание, рыдания теснились в груди, как неподъемные камни, и Яшви пришлось неоднократно дернуть повод на себя, чтобы заставить Ворона перейти сначала на рысь, а потом и на шаг, пока он, наконец, тяжело дыша, не остановился. Яшви соскользнула вниз, прижалась к

горячему боку коня лбом, содрогаясь от рыданий и даже не пытаясь себя успокоить, отторгая все то, что накопилось внутри, всю невыплаканную боль, весь страх, которым не давала никогда никакой свободы, боясь, что окажется не понята, не принята, наказана уже только за то, что посмела что-то чувствовать, как будто чувства - что-то, на что она не имела никакого права.

Алахчит Алтан Борджигин

Поддавшись азарту от гонки, Алахчит не заметила, когда Салхи вырвался вперед, обходя черного Ворона, и оставила Яшви далеко позади, наслаждаясь восторгом от прогулки. Она засмеялась, с трудом сопротивляясь ветру и выпрямляясь в седле. Воздух окутывал ее, наполнял до самых краев, бурлил в горле - Вишуддха с готовностью своей отзывалась на зов своей стихии, и Алахчит чувствовала себя так, что могла бы взлететь без крыльев, если бы ей было это дано. Алахчит обернулась, чтобы посмотреть, как Яшви - она была уверена, что подруга не отстает.

Не увидев подле себя вороного коня с наездницей, Алахчит на секунду испугалась, резко осаживая Салхи, отчего чуть не вылетела из седла. Вдалеке, практически превратившись в небольшую черную кляксу, виднелся Ворон, но с такого расстояния Алахчит не смогла увидеть Яшви. Заставив Салхи развернуться, она направила его обратно, одновременно и опасаясь самого страшного и отчаянно не допуская его в свои мысли.

Подлетев к Ворону, Алахчит птицей слетела с седла, бросая поводья, когда заметила, что Яшви стоит подле: маленькая, сгорбившаяся фигурка, отчаянно содрогаящаяся от несдерживаемых слез.

- Ох, милый мой друг, - только и смогла сказать Алахчит, обнимая подругу за плечи и прижимая ее к себе.

Яшви Садхир

Яшви вздрогнула, когда почувствовала руки Алахчит на своих плечах, и если раньше она бы обязательно отстранилась, не вынося чужих прикосновений, то сейчас ей, наоборот, хотелось этой простой, человеческой поддержки, потому что у нее больше не было никаких сил держать все внутри себя. Но она так и продолжала стоять, уткнувшись лбом в бок Ворона, не желая, что Алахчит видела ее слезы так уж прямо явно, потому что в слезах нет ничего приятного. Ни в своих собственных ни тем более чужих.

Она чувствовала себя расколовшейся вдребезги, на маленькие кусочки, которые не знает, как собрать обратно, и, пытаясь собирать осколок за осколком, неизменно режется об бритвенно-острые края. Ее тошнило от страха, что все так и останется - дни будут проходить за днями, наполненные тоской по принцу, превратятся в недели, недели в месяцы, и она больше никогда его не увидит. Решение уехать уже не касалось ей таким хорошим, больше всего Яшви сейчас хотела, чтобы ее обнимала вовсе не Алахчит.

- Я не знаю, что мне делать, - задыхаясь от рыданий, призналась Яшви, размазывая бесконечные слезы по лицу рукавом дэгэла. - Мне кажется без него я не могу дышать.

Алахчит Алтан Борджигин

Алахчит чувствовала, что сейчас никакие слова не смогут найти правильный путь. Сейчас нужно было просто быть рядом, держать в своих руках, не отпуская, и ничего не говорить до тех пор, пока Яшви не будет готова говорить сама, иначе отстранится, закроется, отвернется, снова запрет себя на тысячу самых огромных замков, пряча внутри все то, что ни в коем случае не хочет показывать, словно оно - пустое, не заслуживающее внимания.

И это было совсем не так.

- Сейчас тебе больно, мой хороший, - ответила Алахчит, подбирая правильные слова. Она помнила, как было плохо и страшно ей, когда они ссорились с Санджаром, сначала из-за глупой ревности к зайчихе, а затем и из-за нависшей над ней необходимости брака с Медведем. И только понимание, что она не может сесть и плакать весь день, потому что от нее зависела вся Орда, не позволяло Алахчит скатиться на дно уныния. Она не могла себе это позволить. Яшви была другой, она могла тосковать столько, сколько ей было это необходимо. Хоть у кого-то должно было быть это право. - Позволь себе горевать столько, сколько тебе нужно.

Всегда такая собранная, строгая, без тени улыбки на смуглом задумчивом лице, сколько же в тебе было боли, моя родная Яшви-удган. Сколько тебе пришлось вынести, складывая все это внутри, пока ты не утонула в собственных мыслях.

Яшви Садхир

Она, наконец, затихла. Не потому, что смогла справиться со своими слезами, а потому, что они просто закончились, и внутри нее была уже не просто голая степь - настоящая выжженная пустыня. Так было нужно.

Сейчас Яшви стало лучше, когда душившие ее эмоции, которые она считала недозволенными, больше не царапали ее изнутри. Да, от слез болели глаза, горели натертые дэгэлом щеки, наверняка все лицо покраснело и опухло, но собственный внешний вид всегда интересовал Яшви не так сильно, как, навеное, следовало бы. Она не привыкла стесняться своего тела, потому что у нее не было другого, более ладного, красивого. Странно, что, не имея никаких требований к своему телу, она постоянно требовала от себя быть кем-то, кем она никогда не являлась.

Ворон терпеливо ждал, переступая с ноги на ногу, но никуда не уходя, и близость его теплого, надежного бока действовала на нее успокаивающе, как и присутствие Алахчит, которая все еще держала ее за плечи. Она бы никогда не подумала, что ее, всегда избегающую людей, в итоге спасет именно подруга и ее сильные руки.

Яшви молчала, потому что ей было нечего сейчас сказать. Она все еще ощущала эту тянущую тоску, но хотя бы могла дышать.

- Степь и правда знает лучше, - в итоге призналась она.

Алахчит Алтан Борджигин

Яшви успокаивалась, и Алахчит просто стояла рядом, продолжая чуть поглаживать подругу по плечу. И совершенно было неважно, сколько времени это могло занять, если Яшви от этого становилось проще выдерживать все, на нее свалившееся. Боль пройдет. Не сразу, постепенно, но из острой она превратится в тупую, ноющую, а затем станет шрамом, к которому лишь иногда будешь возвращаться мысленно. Так уж устроены люди.

- Она старше и мудрее всех нас, - согласилась Алахчит. - Мы родились в степи и уйдем в нее, когда придет наше время, и она примет нас любых, потому что мы - часть ее. И она все расставит по своим местам.

Алахчит тоже прижалась лбом к боку Ворона, чтобы поймать взгляд Яшви. Она волновалась за нее и всеми силами старалась помочь выкарабкаться Яшви из той ямы, в которую та угодила неважно по какой причине, загнала ли она сама себя туда или по чьей-то вине. Это было не столь важно. Яшви не признается, а Алахчит не хотела испытывать. Доверие удган было ей важнее скрывающейся правды.

- Мне спокойнее видеть, что тебе стало лучше, - заметила она. Что опухшие щеки, разве это страшно.

Яшви Садхир

Яшви погладила коня по крутому черному боку, а потом чуть смутилась, когда Алахчит попыталась заглянуть ей в лицо. Острые черепки-осколки вставляли на свои места, и у них были шероховатые, болезненные края, но на месте этих трещин скоро образуются новые, толстые шрамы.

Она выпрямилась, убирая с лица растрепавшиеся волосы. Пальцы привычно задержались на седой пряди, выбившейся из толстой косы, но Яшви убрала ее за ухо почти сразу же, не позволяя себе даже мысленно приближаться к принцу. Она не жалела, что духи взяли свою плату, она бы отдала и гораздо больше, чтобы спасти его.

- Мы можем ехать дальше? - предложила Яшви. - Я не хочу возвращаться.

Ей было бы неловко возвращаться обратно без добычи и к тому же с лицом, явно дающим понять, что она рыдала. Удган племени должна быть сильной, невозмутимой, она должна всем своим видом внушать, что ей известны ответы на многие вопросы, что ее не трогает осязаемое, реальное, потому что мыслями она всегда там, где шепчут духи, куда нет пути обычному человеку.

Алахчит Алтан Борджигин

- Можем, - Алахчит улыбнулась, когда Яшви предложила ехать дальше. Как же сейчас становилось радостно, что Яшви стало лучше. - В конце концов, мы еще не всех сурков переловили.

Она похлопала Ворона по крупу, затем поискала взглядом мирно пасущегося неподалеку Салхи, который не упустил такой удобной возможности. Он был хорошо

вышколен, как и все боевые кони, воспитанные Санджар-гуаем, и не уходил далеко, чтобы сейчас было только на руку. Алахчит подобрала повод и забралась в седло, а потом вынула лук из налучника, чтобы у нее была возможность стрелять сразу, как только потребуется.

Она пустила коня шагом по узкой тропе, ведущей в противоположную сторону от Улан-Батора вокруг долины, где спрятался ее ставка, потому что сурки старались держаться на приличном отдалении от крупных городов.

- Я хочу, чтобы ты выбрала место для своего будущего дома. Подумай, где бы тебе было удобно, и я сразу скажу медведям, - предложила Алахчит, вглядываясь в бесконечный степной простор впереди в поисках ставшего столбиком сурка, которые сейчас уже должны были выходить из нор на вечерний промысел.

Яшви Садхир

Яшви снова забралась на Ворона, поворачивая его следом за Салхи. Она молчала, но молчание это было не натянутым, как обычно, как комфортным, и Яшви не хотелось ничего говорить. Она и так за эти два дня сказала намного больше, чем привыкла говорить о себе, но, как ни странно, высказанные вслух, слова оказывались не такими ужасными, как казались ей, оставаясь внутри. То, что она так давно тащила в себе, больше не было неподъемным грузом. И ничего не произошло - небо не упало на голову, от нее не отвернулись, не скривились презрительно. То, что Яшви считала черной полосой в истории своей жизни, было всего лишь этапом, который закончился, и он не делал ее хуже или лучше.

- Хорошо, я посмотрю, - согласилась Яшви. Поначалу она хотела сказать, что ей все равно, потому что обычно ее гэр ставили в отдалении от остальных домов, потому что так было принято. Для кого-то она могла быть просто Яшви, дочерью, сестрой, но для остальных она была удган, и у нее было свое, особенное положение в клане. И пока она еще могла выбирать, где будет стоять тот дом, который она когда-нибудь назовет своим. Яшви заметила какое-то движение в стороне от дороги, приподнялась в седле, натягивая лук до самого уха. Коротко щелкнула тетива, отправляя стрелу в полет, над степью раздался тихий писк, означая, что стрела попала в цель. Сбоку оживилась Алахчит, краем глаза Яшви заметила, как та вскидывает лук.

Алахчит Алтан Борджигин

Яшви первой заметила тарбаганов, а уже через пару мгновений - и сама Алахчит заметила жирную тушку на пригорке, в которую незамедлительно выстрелила. Стрела отбросила тельце назад, и в семействе сурков сразу начала паника. Степь зашелестела, взвились облачка степной пыли, когда сурки юркнули по норам. Ожидаемо, и теперь нужно было ждать какое-то время, прежде чем опасливые зверьки снова покажутся на поверхности.

Алахчит с коротким смешком перехватила лук, убирая его обратно в подлучник, чтобы не мешал собирать добычу и, подъехав ближе к своей добыче, спешила, поднимая тельце высоко в воздух, чтобы показать его Яшви. Отъевшийся к близкой зиме тарбаган был крупным и жирным, мех лоснился, а щеки, казалось, были толще, чем жирненькие круглые бока. Хорошая добыча, не хуже кролика.

Вынув из сурка стрелу, чтобы вернуть в колчан к остальным, Алахчит стряхнула с тушки кровь и убрала его в холщовый седельный мешок, а потом снова вернулась в седло, отправляясь дальше. Охота началась.

Яшви Садхир

Толстый. Яшви кивнула, оценивая добычу Алахчит, но ее жертва находила в другой стороне. Сурок был еще жив - стрела прошла чуть правее, увязнув в толстом меху и жире зверька. В воздухе чувствовался металлический привкус звериной крови, и впервые Яшви заметила, каким он может быть насыщенным, его хотелось вдыхать полной грудью, пока во рту не начинала скапливаться ставшая вдруг вязкой слюна. Она слышала, как дробно бьется маленькое сердечко, как вместе с запахом крови разливается сладковато-кислый запах животного страха.

Яшви судорожно вдохнула, как дикий зверь, соскальзывая с коня, и наклонилась ниже над раненым животным. Ладонь сжалась на рукояти кукри на поясе ее дэгэла. Яшви почти нежно погладила тарбагана по лоснящейся спине, прижимая его к земле, чтобы он не вырывался, а потом одним резким движением прикончила его, обрывая его мучения. Ей казалось над степью повисла звенящая тишина, пока трепыхающийся сурок не затих окончательно. На какое-то единственное мгновение она почувствовала практически непреодолимое желание вцепиться зубами прямо в сырую и еще горячую плоть, но Яшви с усилием сглотнула, выпрямляясь.

На расстоянии нескольких арканов от нее в траве пряталась дикая тибетская лиса, внимательно наблюдающая за людьми, почти слившаяся светлой шерстью с окружающим ее пейзажем. Яшви выдернула стрелу из тельца тарбагана, но саму добычу оставила на земле, не став забирать ее с собой. Она еще возьмет свое.

Алахчит Алтан Борджигин

Они охотились почти до самого вечера, и у Алахчит набралась целая сумка добычи, которой обрадуются в клане, потому что к зиме готовились долго и тщательно, запасая любое доступное пропитание. Алахчит чувствовала, что все делает правильно. Ее Орда становилась все сильнее, и отсюда, окруженная холмами и горной грядой, уже казалась неприступной. Месторождение меди сделает клан еще богаче, чем он был сейчас, можно будет наладить торговлю с теми кланами, кто еще оставался в степи. Алахчит мечтала, чтобы однажды Орда стала силой, с которой стали бы считаться. Чтобы лисята рождались в безопасности, жили в сытости и вырастали в новых соплеменников, сильные, смелые, красивые. И где-то среди них, она знала точно, будет трое ее собственных детей - Чингиз, Таргитай и Сафия.

Они развели костер прямо в степи, и Алахчит грелась у пляшущих языков пламени, наблюдая за тем, как Яшви ловко разделывает заячью тушку, уложив ее на крупный плоский камень. Салхи и Ворон паслись неподалеку, с ослабленными подпругами, над степью уже зажигались первые звезды, обещая превратиться в настоящее звездное одеяло, и еще никогда Алахчит не любила степь так сильно, как сейчас. Яшви передала ей срезанный с бока кусочек сырого мяса, Алахчит насадила его на острый наконечник стрелы и устроила над костром, следя за тем, чтобы огонь не слишком жадно пожирал их будущий ужин.

- Как же хорошо! - с умиротворением сказала она. - Как спокойно здесь. Не помню, когда последний раз так выезжала в степь, все какие-то дела.

Яшви Садхир

Яшви повезло не так, как Алахчит, холщовый мешок у седла которой раздуло от добычи, словно у Салхи вдруг вырос второй круп, но она тоже вернулась бы в ставку не с пустыми руками. Но пока ни сидели у костра, вокруг на многие многие километры раскинулась степь, а ставка отсюда казалась почти невидимой, игрушечной - крохотные-крохотные домики, дым над которыми сливался с темнеющим небом. Там уже зажгли факелы.

Она надрезала сухожилия у лап пойманного зайца, толстого, как и вся остальная живность, и ловко, как чулок, сняла с него шкуру, отложив ее в сторону - потом сойдет на рукавицы или детские унты, а пока принялась разделывать тушку, помогая себе кукри, хотя это было не самое удобное оружие для того, чтобы разбирать добычу. Голова, заячья печень, полезная и сытная, легкие, почки - требуха - все это отправлялось в сторону, оставляя на плоском камне только разделанный остов, с которого Яшви срезала первые самые сочные куски мяса и передавала их Алахчит, которая следила за самим процессом готовки.

- Как тебе удалось выманить Медведей из их берлог? - спросила Яшви, которая покинула Монголию раньше, чем Алахчит посетила их клан с предложением союза. Она стряхнула с кринка кровь, тщательно вытерла лезвие пучком травы и убрала за пояс, а остатки кроличьей туши завернула в холщовую ткань, чтобы потом забрать с собой. Ей нужны были новые звериные кости, да и череп тоже бы подошел.

Алахчит Алтан Борджигин

- Медведям уже самим было невмочь в своих горах, мы и так уже думали союз заключать, но был целый скандал, потому что меня мои "верные" нойоны за одного из них сосватали, а мне забыли об этом сказать, - шакалы их тоже порядком прижимали, не выпуская с гор своими вечными набегами, а в горах особо коней не попасешь, да скотину, которая составляет основу, не разведешь - пастбищ мало, кормить нечем. Одна надежда на реки, богатые рыбой, да магию земли, которая помогает худо-бедно держать огород. Но целый клан этим не прокормишь.

- Но Номинжин ему приглянулась сильнее, чем я, а я и рада была, - продолжила Алахчит, для которой бывшая принцесса Рысей стала спасением в этой проблеме. Да так хорошо свое дело сделала, что теперь к свадьбе готовилась. - Есугэй будет ей славным мужем, а мне - нойоном. Благодаря им у нас есть дома, а до зимы должны успеть поставить штольню в выработке меди.

Она мечтательно улыбнулась и покрутила мясо над огнем, чтобы оно прожарилось со всех сторон.

Яшви Садхир

Яшви ничего не ответила, продолжая смотреть в огонь перед собой. Ей было тепло и, впервые за очень долгое время, хотя бы спокойно. Она чувствовала, как степь делится с ней своей силой, как от земли, на которой она сидела, идет такая мощь,

какой она еще никогда не ощущала. Она не могла перестать думать о Сонгцэне, ей казалось, что прошло уже больше двух дней, когда она видела его в последний раз, и тоска внутри не унималась. Он еще не до конца восстановился после травм, но, несмотря на страх уезжать, Яшви больше не могла оставаться рядом. Резиденция душила ее.

Все же она была в первую очередь удган клана тибетских лис, она была лисой, а уже потом только принцессой. Если не так давно она бежала из Монголии, не чувствуя себя здесь свободно из-за шакалов, под защитой Орды она уже не боялась. Никто не отнимет у нее степь, никакой шакал не сможет это сделать. Здесь была ее семья, которая приняла ее когда у нее ничего не было, и которая не отвернулась сейчас, когда она притащила за собой целый ворох собственных проблем не только с собственными мыслями, но и со своими разладившимися способностями. Как от удган, от нее сейчас было мало толку, но никто и не требовал от нее с порога запыгивать в транс, чтобы что-то спрашивать у духов.

И самое малое, что Яшви могла сделать в благодарность - это постараться привести саму себя в порядок и понять, чего она на самом деле хочет.
